

«Общий план» в романе «Евгений Онегин»

Понятие «общего плана», значимое для русских философских и религиозных исканий 20-ых годов, часто встречается в сочинениях П. Чаадаева, который, вероятно, заимствовал его у Фихте и Гердера. Представляется, однако, что Чаадаев как мыслитель и Пушкин как художник, каждый исходя из собственного творческого опыта, могли прийти к идее единства, исходящего из «общего плана» творения. У Чаадаева это единство носит характер божественного происхождения. Полемизируя со «слепой или упрямой философией», отрекающейся «от всяких следов провиденья» и видящей «во всем этом человека и только человека» («Поток света, непрестанно излучающийся из этого мира, до нее не доходит»), создатель «Философских писем» пишет о необходимости «в совокупности всего усмотреть план, замысел, разум, подчинить им человеческий интеллект и принять все вытекающие из этого последствия ...» (Чаадаев:395).

Пушкин, никогда не заявлявший столь откровенно о своих религиозных воззрениях, мог бы, скорее, подписаться под словами нашего, чем своего современника. Великий Эйнштейн выразился так: «Мое религиозное чувство – это почтительное восхищение тем порядком, который царит в небольшой части реальности, доступной нашему слабому разуму» (Фейденберг:21). Пушкину, несомненно, были присущи и сознание ограниченности человеческого разума, и способность восхищаться гармоническим устройством мира. Именно ощущением разлитой в мире гармонии близка ему античность.

Противопоставляя «восторг» и «спокойствие», Пушкин уточняет, что «спокойствие, необходимое условие прекрасного» и что в отличие от него «восторг не предполагает силы ума, располагающей части в их отношении к целому» (Пушкин: УП, 29-30). Иными словами, прекрасное Пушкин понимает именно как следствие организации, упорядочения материала,

комбинационных возможностей творца. «Единый план «Ада» есть уже плод высокого гения» (там же). В «форме плана» («Я думал уж о форме плана») прочитывается величие замысла, обнаруживаются способности мироустройства автора, будь то устройство Вселенной или романа в стихах.

Неподражаемая классическая гармония пушкинских творений обеспечивается единством композиции, отвечающей за расположение и взаимосвязь частей, и плана развития действия, организующего течение конфликта. Композиция объединяет центростремительные и центробежные тенденции автора, в сюжете реализуются конфликтные притязания героев. Различия (уровень героев) примирены в рамках более высокого единства (композиционный уровень автора). Самой организацией материала Пушкин ориентирует на многозначность понимания мира. Мир представлен и верхними сюжетными слоями романа, воспроизводящими конфликтность бытия, и как нераздельное единство, целостность, в которой все пласты реальности выступают как составные части единого замысла, «общего плана».

«Общий план» «Евгения Онегина» представляет особый интерес, поскольку как в самом романе в целом, так и в его замысле и организации материала нашли отражение программные установки формирующегося реализма. Конфликт здесь выступает и как фактор, порождающий новый реалистический тип сознания, и как следствие реалистического сознания.

Пушкин как творец, демиург создаваемого им мира на практике работы над каждым произведением убеждается в необходимости связей, согласования, взаимодействия, иерархии элементов, объединяемых в целостность при сохранении их относительной самостоятельности и завершенности, что может быть представлено и как противопоставление только что сказанному, противоречие, сознательно сохраненное и специально указанное читателю. Пушкинская «энциклопедия русской жизни» внешне организуется как ряд картин («Прими собрание пестрых глав, / Полусмешных, полупечальных, Простонародных, идеальных...»),

связи между которыми материально выражены слабо. Пушкин лишен деспотического желания навязать читателю жесткую логику авторской трактовки событий или логику неуклонного и непротиворечивого движения собственной мысли. Наделяя каждую картину самостоятельной ценностью и красотой, поэт рядом ассоциаций и перекличек, лейтмотивов и параллелей, повторений и вариаций устанавливает ту их общность, которая базируется на единстве самой жизни. В пушкинских картинах, как в жизни, все связано и все бросает ответ друг на друга, но требуется любовное внимание, чтобы уловить, почувствовать эту нерасторжимую общность.

Стихотворная форма «Евгения Онегина», тяготеющая к поэтическому афоризму, в немалой степени способствует усилению синтезированного характера романа, как и сохранению в нем резко выделенных своей афористичностью целостностей, сохраняющих определенную самостоятельность. Каждая строфа романа («онегинская строфа») относительно автономна, поскольку, как правило, содержит в себе свою тему и выражает законченную мысль. Вместе с тем четкая строфическая организация текста, повторение на протяжении всего романа одинаковых по графическому рисунку и структуре строф сами по себе несут идею единства текста.

Интересными представляются соображения исследователей о единстве и автономности языкового материала и жанровой структуры «Евгения Онегина»: «Неоднородные стили, уровни, оказавшись в «стенах» единого предмета изображения, уже не в силах хранить свою автономность, но вынуждены, обязаны взаимодействовать особо: взаимно проникая и взаимно опосредуя друг друга. В результате ни один из них в своем первоначальном виде не сохраняется, преображаясь качественно» (Недзвецкий:200). Но «хотя эпопея проникает в роман, а роман в свою очередь проникает в стихотворение, - хотя все это проникает друг в друга, часто взаимно друг друга опосредуя, формируясь в опосредованное друг другом единство, сказать, что при этом какой-нибудь из жанров вовсе утратил свою

автономность, было бы неверно: каждый из них в пределах своей автономии живет по собственным жанровым законам» (Красухин: 79).

Представляется, что в единой синтетической стихии художественного мира «Евгения Онегина» все разнородные компоненты (и языковые – что менее ощутимо, и жанровые) «в пределах своей автономии» живут по собственным законам, но вместе с тем «взаимно проникают и взаимно опосредуют друг друга». Взаимодействие элементов Пушкин мыслит по законам художественности, соответственно часть несет в себе целое, но и сама по себе характеризуется известной законченностью, целостностью.

Таким образом, целостность романа «Евгений Онегин» на уровне композиционном создается взаимодействием двух противоборствующих друг другу идей – идеи единства и идеи обособления, разъединения. Те же противоборствующие тенденции с доминированием идеи разъединения, конфликтности можно проследить и на уровне сюжетном.

Комментируя одно из писем Г.Вяземского, Л.В. Дерюгина пишет: «Прежде всего поражает здесь теснота, заполненность мира, обилие и многообразие связей между людьми... непосредственных и косвенных, центростремительных и центробежных, практических и нравственных – определяющих то или иное событие в жизни человека и его судьбу в целом» (Вяземский: 11). Характеристику типичного для светского человека письма с полным основанием можно распространить на роман из светской жизни. В свете ценится человек, имеющий связи. Дворяне гордятся своей родовитостью, то есть связями, направленными в прошлое, в историю, обеспечивающими единство времен, преемственность поколений. Понятие связи для человека, выросшего в свете, окружено ореолом притягательности. И в большом, и в малом, и в уважении к славе предков, в способности дорожить благородством (и в смысле происхождения, и в смысле нравственной характеристики), и в важных для света понятиях вкуса и моды, предполагающих органичность включения единичного в целое, - во всем этом чувствуется действие сил притяжения. Пушкинский роман в стихах

формирует представление о единстве как подвижном, текущем, меняющемся, трансформирующемся, но тем не менее реальном состоянии мира.

В романе представлены различные формы общностей: национальная («Татьяна, русская душою...»), географическая (Москва, Петербург, деревня), историческая (старый и новый век, прошлое и современность), возрастная (юность, зрелость, старость), светская, крестьянская, семейная, любовная, дружеская. Даже книги на полке объединяются в «пыльную семью», и поэты группируются в «цех задорный». Изображение традиций, обычаев, привычек, «общественного мнения», норм жизни, принятых в том или ином кругу, позволяет представить и механизмы формирования единства нации, семьи, дружеского круга, общественной среды.

Понимание единства опирается на дифференцированное отношение к различным сферам бытия, каждая из которых являет собой некое более или менее упорядоченное целое и включается на правах части в целое более высокого порядка. Человек представлен как часть целого с характерным для данного целого типом взаимоотношений. Изначально герой заключается в цепочку родственных связей, определяющих его положение в обществе, материальное состояние, семейные традиции. Первое, что считает нужным сказать автор об Онегине, представляя его читателям, это то, что он «наследник всех своих родных». Онегин, как и другие герои романа, укоренен в жизнь родственными, светскими, дружескими, любовными отношениями. Слитность человека со средой, временем, обнаруживается и воссозданием типичного образа жизни. День Онегина, подчиненный раз и навсегда установленному распорядку («проснется за полдень, и снова / До утра жизнь его готова, / Однообразна и пестра. / И завтра то же, что вчера» -- 1,XXXV1) показан как индивидуальное проявление общего обряда жизни в высшем свете.

Каждая из более или менее обстоятельно нарисованных Пушкиным общностей - будь то высший свет или провинциальная помещичья жизнь, крестьянский уклад жизни или трудовой Петербург, образ жизни молодого

человека или времяпровождение старых тетушек – наделена общим смыслом и единым порядком в противоположность хаосу или иной, чем изображаемая в данный момент, упорядоченности.

Общность имеет отделяющие или отличающие от другой общности границы, обнаруживающиеся в принятом или не принятом способе поведения, моде, вкусах, несоответствие которым выдает «чужого». Онегин, вернувшийся в свет после долгого отсутствия, «Для всех ... кажется чужим». Человек или принимает общепринятый смысл и порядок («К чему бесплодно спорить с веком? / Обычай деспот меж людей» -- 1, XXУ) или остается чужим окружению, обреченный «вслед за чинною толпою / Идти, не разделяя с ней / Ни общих мнений, ни страстей» (8,Х1). Именно в таком духе трактуется старшим современником Пушкина Н.М. Карамзиным несвобода, зависимость личности как общественного существа («Человек от первой до последней минуты бытия есть существо зависимое. Сердце его образовано чувствовать с другими и наслаждаться их наслаждением» - Карамзин: 2,181), которое в одиночестве, в изоляции от себе подобных не может вести полноценное существование: «Человек сам по себе есть фрагмент или отрывок: только с подобными ему существами и природою составляет он целое» (Карамзин: 1, 350). Пушкин, жизнь которого невозможно представить вне круга дружеского общения («Друзья мои, прекрасен наш союз»), разделял мысли кумира своей юности о неизбежности такого рода зависимости. Человек обретает целостность в полноценном общении, в котором выявляет свое «я» и обретает импульсы и источники к развитию. Идея фрагмента, стремящегося к воссоединению тем более трудно достижимому, чем более он самобытен, не схож с другими, ощущается в пушкинском тексте и на уровне композиции (например, выделенность афоризмов в составе текста), и на уровне сюжета.